

Только несчастья связаны с этой рекой: „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую“. И если принять Каялу как обозначение места несчастий, печали, обозначение места, связанного с гибелью, со смертью, то станет понятным и это место „Слова“: „Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полеаѣя отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву“. Здесь Нежати́на Нива, известная кровопролитной борьбой в 1078 году Олега Святославича в союзе с Борисом Вячеславичем против коалиции Изяслава Ярославича и Всеволода Ярославича со своими сыновьями, названа „такой же Каялой“, т. е. таким же несчастным, смертным местом для Ольговичей.

Как известно, Нежати́на Нива находится в районе Чернигова, и, говоря в этом случае о Каяле, автор „Слова“ употребил Каялу как имя нарицательное, а не собственное. А. А. Потехня писал по этому поводу: „С тоя же Каялы, быть может, значит: не стой же, а с такой же, как та, которую была полна мысль автора, со столь же бедственной, как и битва Игоря на Каяле“.¹

Употребление названия Каяла как некоего символического наименования, а не географического обозначения реки, вполне соответствует всему литературно-художественному методу автора „Слова о полку Игореве“.

„За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мыкючи въ пламянѣ розѣ“. Первые издатели перевели Карну и Жлю как собственные имена Половецких ханов. Такая точка зрения существовала очень долго, но в 1870 году Эрбен, переводя „Слово“ на чешский язык, высказал мнение, что карня и жля—это нарицательные имена: карна—это кара, раздор, а жля, желя—злоба. Более подробно на объяснении этих слов позже остановился Вс. Миллер: карна—от кара, карание, олицетворение скорби; жля—то же, что и желя,—плач по убитым.

Таким же типом образования от глагола „каяти“ является Каяла.

Наряду с очень точными географическими названиями того или иного места в „Слове“ имеются обозначения географически точного понятия не собственным именем, а метафорами: Половецкая степь у автора „Слова“ называется „землей незнаемой“, Азовское море—или просто морем, или Синим морем. Возможность образования символического названия реки подтверждается употреблением в „Слове“ названия реки Дунай—не как географического понятия, а как символа реки вообще.

Обратим внимание на то, в каком контексте употреблена Каяла в плаче Ярославны: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бербрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Очевидно, что здесь под Каялой подразумевается река смерти. Эти слова Ярославны можно понимать так: омочу рукав в мертвой воде и утру ею (мертвой водой) раны князя.

Как известно, во всех сказках, связанных с „мертвой“ и „живой“ водой, именно мертвой водой залечивают раны. При таком толковании этого места, которое вполне соответствует всему плачу—заклинанию Ярославны, проникнутому народными элементами, яснее и понятнее

¹ А. А. Потехня. „Слово о полку Игореве“. Текст и примечания. Харьков, 1914, стр. 55.